

КАПИТАН

По затаённому дыханию и облизыванию губ, по тому, как переминается, а ведь всё равно дёрнет за одеяло, по пальцам чувствую: опять Абрам.

– Товарищ капитан... товарищ капитан... разрешите обратиться...

– Чего тебе, дурак? – я высовываюсь. – Сестра, уберите дурака!

– Товарищ капитан... – Сейчас опять начнёт. – Убейте меня...

– Уйди, дурак, убью!

– Товарищ капитан, пожалуйста... у вас формально должен быть пистолет...

– Я его сдал, когда комиссовался.

– Как это мне жалко!.. Товарищ капитан, вы очень добрый человек, вы можете задушить меня подушкой...

– Уйди, убью!

– Товарищ капитан, пожалуйста, я умоляюще вас прошу... вы окажете всем очень большую услугу...

– Ма-ма!.. Сестра, уберите дурака!

– Эй! – она из ординаторской смеётся. – Ты ж капитан! И не сладишь с одним хилым евреем?

– Абрам! – кричу я и сажусь.

– Товарищ капитан, я вас прекрасно слышу.

– Рядовой Абрам! смир-но! руки по швам, сучий потрох! пятки вместе, носки врозь! – Он вытягивается, старается вытянуться ещё аккуратнее и колеблется от страха, длинный, лысый, в драном халате, свисающем до пола, губы дрожат, и глядит на меня, косясь поверх огромного, как на карикатуре, носа. Интересно, сколько он так с большими ногами простоит. Дурак ты, Абрам. Ну что ты ко мне лезешь? что ты меня мучаешь? Я ж, дурак, сам – веришь-нет? – от жизни устал, честно-пречестно. Ничего хорошего в ней не было от детдома до дурдома. Никогда у меня ничего своего не было. Ничто меня не держит. Сижусь и хватаюсь за коленки. Дни и ночи сижу и качаюсь. Что-то опасно во мне сорвалось, хоть проволокой заматывай, сорвалось что-то. Слёзы вдруг текут по щекам. – Абрам, убей меня...

– Товарищ капитан!.. что вы!.. это нельзя!.. – он бы замахал руками, но боится, торчит жердью и поднимает глаза к потолку, – нельзя, нельзя...

– У, дурак! – я сморкаюсь в полотенце. – Кру-гом! – и Абрам поворачивается.

– Шагом марш! И чтоб лёг на койку, сволочь, и чтоб ты пропал!

– Служу Советскому Союзу, – он вздыхает и ковыляет на своё место.

Гад, вывел меня из себя.

Взяли манеру отделение проветривать так, что везде сквозняк гуляет. Чи-

хаю, аж голова трещит, а попросишь таблеток от головы – дадут что-нибудь угнетающее.

– Дорогие мои! – сестра смеётся. – Чем меньше вас останется, тем спокойней будет.

– Все тут содохнем, – твержу я. – У них инструкция: всех впускать, никого не выпускать.

– Я склеил восемьсот тысяч коробочек, – бормочет Кубышкин, – склею миллион – отпустят. – Он умный, в научном институте работал, шутит или нет – непонятно.

– После демобилизации я, – тарактит Манков, – назад в колхоз не поехал, я на завод устроился, в литейный цех формовщиком. Зарплата приличная. Я сразу к Зойке-нормировщице и заявление в ЗАГС! я ж ситуацию разведаль! Дали нам комнату в десять квадратов. Да в городе и кинотеатры, парк культуры, магазины, стадион... – Я его не слушаю, и Кубышкин не слушает, никто не слушает, но Манков сыпет слова, будто мусор.

Палата у нас тихая, маленькая. Кубышкин читает газету. Манков разглагольствует, какой он опытный, сообразительный. Усохин с тоски мается и смотрит в коридор. Шнурок, тупица конченный, рот раззявля, смотрит в окно на воробьёв. Мурашенко наглухо отгородился – лежит, накрыв лицо полотенцем, и смотрит там своё кино. Сижу, качаюсь. Всем нам один конец прописан.

Абрам суётся в палату.

– Абрам, где твои пейсы? – спрашивает Усохин.

– У меня их нет.

– Я вижу, что нет. Куда пейсы дел? продал?

– У меня их не было никогда, – шепчет Абрам. – Я не верую в Господа Бога...

– А почему, ну-ка, почему?

– Я боюсь верить в Бога... – Абрам прячется в ладони и пятится.

– А ну-ка стой! – Усохин вихляво к нему подбирается и сжимает кулак. – Хочешь, я тебя убью? – Он подлый уголовник, крысятничает по тумбочкам и заставляет Абрама курить вонючие папиросы, набитые ногтями.

– Вам не положено... – Абрам пугается и часто-часто моргает.

– Убью! – обещает Усохин и резко придвигает кулак к Абрамову носу.

– Рядовой Абрам! – команду я, – стоять насмерть!

– Слушаюсь, – он опирается спиной о стену и громко хлюпает: – Русские не сдаются! – и плачет, растирая соплю со слезами.

– Молодец! – хвалю я.

– Кому ты нужен? – Усохин брызжет на Абрама слюной из беззубого рта. – Без тебя лучше!

– Я... – Абрам пытается возражать внушительно, – я гражданин Советского Союза минус шесть городов... я почитаю Пушкина... я потомственный пекарь от Оборошино до Пустомыт... А вы хотите выковырять меня из булки... зачем?... вам это может быть больно...

– Я кому велел лежать? – я повышаю голос. – Шагом марш отсюда!

Абрам медленно скручивается налево кругом и шаркает тапками прочь. У него от лекарств неусидчивость, еле ноги волочит.

– Марафонцы нашему Бройтману в подметки не годятся, – сопит Кубышкин, – он каждый день по столько же проходит.

– А правда, – осведомляюсь я, – что до революции некоторые медали на шее носили? Спортивные, наверно?

– Нет, это военные ордена, – Кубышкин у нас энциклопедия. – И на шее носили, и даже на бедре, и на сабле. Это зависело от степени ордена.

– Красиво, – говорю я про орден на шее, а на бедре его представить не получается: поди-ка, стал Кубышкин завираться.

– Указ президиума Верховного совета РСФСР от 10 ноября 1961 года, – торжественно извещает радио. – Учитывая пожелания и просьбы коллективов промышленных предприятий, строек, совхозов, колхозов и учреждений, а также ходатайства общественных организаций Сталинградской области, переименовать Сталинградскую область в Волгоградскую область и город Сталинград в город Волгоград.

Я вскакиваю. Они с ума сошли! Никита с ума сошёл. Мало ему Сталина спрятать ото всех, в землю закопать...

– Это они зря, по резвой глупости, – Кубышкин складывает газету вчетверо. – Историю делают великие люди, а не корректоры. История свои права восстанавливает.

– Творец истории – народ! – заявляет Манков.

– Ну ещё бы... – соглашается Кубышкин. – Ты, Капитан, Хрущёва видел вблизи? Подозреваю, что личность совсем не впечатляющая.

– Видал. Свинья! – Кубышкин – мужик толковый, рассказать бы ему, но вспомню Хрущёва и тошнит. Он, когда к Иосифу Виссарионычу на дачу приезжал, улыбался, щерился, норовил рядом со Сталиным коlobком пройтись, в глаза ему позаглядывать, а вперёд заступить опасался. Сталин его оттолкнул: «Ты, Микита, кажется, с ног меня сбить решил», – ох, угадал. Я отлично помню Сталина. Я всегда его помню. Память о Сталине не уничтожить...

– Переименовали правильно, да-да! – частит Шнурок. – Потому что Сталинград отменяется, да! Первого мая американцы опять на нас Паулюса в самолёте напустили! неймётся ему, Паулюсу, да! но мы его на Красной площади подбили, да! Ну и всё! да-да!

– Правильно, правильно, – твердит Манков на волне Шнурка. – Сталин великим не был. Он всех обманывал. Он преступник. Партия его осудила.

Абрам входит в палату и озирается.

– Абрам! – зову я. – Сталин велик?

– В этом нельзя сомневаться, – отвечает Абрам. – Товарищ Сталин победил Гитлера.

– Гитлера победил советский народ! – орёт Манков.

– Я это не отрицаю, – Абрам топчется на пороге. – Товарищ Сталин присоединил мой Львов к Советскому Союзу.

– При чём тут твой Львов?! – вопит Манков.

– Я тоже удивляюсь, – шепчет Абрам и уходит.

– Сталин мне как отец, – я оправляю пижаму, – Сталин ко мне по-доброму отнёсся... А я человек преданный...

– Ста-алин?! – Манков беснуется. – Заткнись! У Сталина была отборная охрана! А ты сумасшедший! – Сейчас начнёт колотить руками по койкам, до посинения отлупит.

– Сестра! – кричу я. – У дурака Манкова припадок!

– Ты Сталина и на мавзолее не видел! и в мавзолее не видел! – Манкова трясет. – Ты незаконно репрессированных караулил! я что – не знаю?

Что он врёт? что он знает, сволочь? я Сталина не видел?! Сталин мне выпить предлагал! «Вы замёрзли, – сказал. – Пойдёмте выпьем по рюмке водки». А я ему: «Я на службе». А он обиделся: «А я, значит, дурака валяю?» Так и сказал. Он вышел свежим воздухом подышать, а я ему: «Наденьте шинель! приказано без шинели вас не выпускать!» Самим Сталиным командовать вздумал! А он мне: «Кем приказано? Я всё-таки верховный главнокомандующий. Да вы не беспокойтесь, я-то уйду, а вот вы замёрзли. Пойдёмте выпьем». Пожалел меня! А я ему: «Я на службе». А он обиделся: «А я, значит, дурака валяю?» Я со Сталиным запросто выпить мог!..

Манков – недобитый гад. Они всё исподлят. Убью – не замараюсь... Подойти – так! и – ногой под колено – на! и – локтем в висок – на! и – ногой в рожу – на! в рожу, в рожу, в рожу!.. Голова Манкова болтается, точно у тряпичной куклы. Он, как собака, пол скребёт...

– А-а! – Усохин шмыгает в коридор. – Капитан Манкова убивает! У Капитана смена состояния!..

Геша с Мишей, санитары, бегут наперегонки, простыню крутят, – ну, кто вперёд, тому красный самолёт! – захлёстывают мне на груди и тянут вниз, к локтям, всё туже, бьют по затылку, – да и ладно, все сдохнем здесь раньше-позже...

– Педагог Антон Макаренко перевоспитывал несовершеннолетних уголовников, – чётко выговаривая слова, произносит Кубышкин. – Эти беспризорные не знали родителей и, соответственно, не имели связей с прошлым. В трудколониях НКВД их, по сути, пестовала стая. Как в сказке про Маугли. Их настраивали на защиту светлого будущего, на абсолютную самоотдачу во имя некоего проекта. Вероятно, продукты этих колоний, в основном, пополнили штат НКВД, так что Капитан мог оказаться и в охране Сталина... Макаренко хотел привить человеку чувство счастья, но это ж невозможно. Даже огурец не может ощущать себя счастливым, только булыжник, и, вот наблюдаем, никакая гимнастика поведения не сделала Капитана счастливым булыжником.

– Капитан! тварь! В моё дежурство!.. – визжит сестра. – Десять кубиков ами-назина! Щас я тебя ухайдакаю!..

Гудит в ушах, и кровь застилает глаза.

Хорошо он мне тогда, в феврале 53-го: «Выпьем, капитан, и не беспокойтесь. Я всё-таки верховный главнокомандующий...»

СНЕГУРОЧКА

Давно это было, четырнадцать лет назад, в 77-м. Наташа после университета работала в газете первый год и послушно выполняла все поручения. Когда командировали в Парбиг, она согласилась ещё потому, что любила редкие дни прозрачной весны с её мелкой клейкой листвой, и благодаря поездке на север они продлевались.

За речкой Потерей машина увязла, её вытащил копавшийся у моста бульдозер, и сорок километров до Парбига под усталые матерки шофёра добирались часов семь. Лишь ближе к ночи Наташа нашла нужный дом, перемолвилась с женщиной, приславшей в редакцию письмо, поспала и поутру поспешила проверять жалобу.

Увидев село, она удивилась, не сразу уловила – чему, и догадалась, что удивили крыши: на них не оказалось антенн, – телевидение сюда не проникло.

В магазине и столовой она убедилась в завышенной цене на хлеб, однако от начальства услышала долгую тираду про районный коэффициент, процентную надбавку к стоимости продукта, калькуляцию, естественность подобной практики и не сумела возражать. Тогда она завела в сельсовете разговор про бездорожье, отсутствие телевидения, скудное снабжение товарами народного потребления, и начальство сильно погрузстнело и предложило объяснить всё по пути до райцентра, куда оно вскоре отправлялось.

Наташа возвратилась за вещами и хозяйку не застала. Та велела дочке вместо школы дожидаться журналистку и узнать, чем всё завершилось.

– Тут такое дело... – вздохнула Наташа. – Как тебя зовут?

– Руся... Маруся. Мария.

– Вот, Руся... – Наташа достала блокнот и изложила принципы ценообразования. – Я это уточню, но мне кажется, мамина жалоба останется без последствий.

– Понятно.

– Ну вот... – Наташа развела руками и стала приводить себя в порядок.

– А тяжело в Томске на работу устроиться?

– Всяко случается.

– Понятно. Мне мама велит в институт поступать, а то, мол, «как я, загубишь жизнь в навозе». У меня по всем предметам успеваемость хорошая.

– Ну, здесь тоже не край света... Я хочу пошуметь насчёт телевиденья. Поставят вам ретранслятор, и веселее станет, будете дома каждый вечер кино смотреть.

– Здрово!.. – Руся чуть отвернулась. – А извините, можно, я вашей тушью маленько брови подведу? Мне мама разрешает, а у меня карандаш только! Я и в Бакчаре тушь искала, но там нету, в город надо.

– Угу... – Наташа молча девочке посочувствовала: блондинка, по белобрзости лоб выглядел великоватым, да и одела серый мешковатый свитер с коричневыми полосами, будто обручами на бочке. – Держи, – Наташа протянула флакончик, – но под твои волосы тушь нужна коричневая. Густо не подводи.

И ресницы тронь легонько, снизу вверх. Главное, не перестараться. Макияж – это искусство.

– Спасибо! – девочка окунулась в зеркало и осторожно прикоснулась кисточкой к лицу.

– Русь! – Наташа подумала: «Пусть хоть за что-то добром поминают». – Подарю-ка я тебе эту тушь и побегу, меня обещали подбросить до Бакчара. Маме всё перескажи. А с тобой мы когда-нибудь ещё встретимся, мир тесен.

– Ой! спасибо! – Руся растерялась.

Наташа чмокнула её в макушку, взяла свою сумку и вышла.

«Газик» – для пущей проходимости на высоко поднятых подвесках – доставил Наташу в Бакчар успешно. Начальство поклялось уложить исправную гравийную дорогу, засыпало Наташе уши отчётами и проектами, купило ей пару булочек с повидлом и помахало вслед автобусу...

Командировку в Парбиг Наташа прочно забыла, но теперь вдвое старшая Мария сидела перед ней в абонентском отделе телефонной станции и, улыбаясь, вспоминала о давнем подарке. Она стала другой – похудела, посмуглела, коротко постриглась, покрасила волосы в рыжий цвет и носила строгий костюм дымно-белёсого тона.

– Очень рада, что опять вас вижу! – воскликнула она. – Всегда с удовольствием ваши статьи читаю. Какими судьбами к нам?

– Мне счёт за кабель пришёл. И не одной мне, так что тут проблема общественная. У меня горячее желание сделать вашей фирме антирекламу, – и началось неприятное для обеих обсуждение, зачем навязывать абонентам плату за ремонт воздушки, почему ставили пластмассовые хомуты взамен металлических, кто крайний.

– Порвите вашу квитанцию, – наконец сказала Мария, – и остальные пусть порвут... Не нравится мне эта работа. Я ж институт автоматизированных систем управления окончила... не поехала по распределению. Стрежевой – тоже ж дыра!.. Всё как попало закрутилось, как-то не так всё нарисовалось... Но и то хлеб...

– Ничего, – Наташа усмехнулась. – Есть такое бодрое русское слово «ничего»... А ваша мама? С хлебом-то лучше не стало... да и со всем прочим.

– Мама больше на огородик надеется. Старенькая. Но мне велит в Томске держаться, а то в селе просвета нет.

Наташа хотела спросить, замужем ли, но ощутила, что спрашивать не стоит.

Она попрощалась, немного постояла на пороге и ушла, без толку побродила по рынку, занялась разными заботами, и встреча в памяти стаяла.